

Фаддей Булгарин

**Докладные записки и письма в  
3-е Отделение**



# **Фаддей Венедиктович Булгарин**

## **Докладные записки и письма в 3-е Отделение**

*Текст предоставлен правообладателем*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=647085](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=647085)*  
*Наука и жизнь: 1824*

### **Аннотация**

Отношения Ф.В.Булгарина с III отделением всегда привлекали интерес литераторов и исследователей.

# Содержание

(Автобиография)	4
М. Я. фон Фоку	7
А. Х. Бенкендорфу	18
Л. В. Дубельту	22

# Фаддей Булгарин

## Докладные записки и письма Ф.В. Булгарина в III отделение

### (Автобиография)

Фаддей Венедиктов сын Булгарин с прозванием фамилии Скандербег, и телом сего героя<sup>1</sup> родился в Польше в губернии Минской<sup>2</sup> в 1786 году<sup>3</sup>. После Революции в Польше и вооружения Костюшки<sup>4</sup> в котором и отец его участвовал, и ко-

---

<sup>1</sup> Г. К. Скандербег (ок. 1405—1468) – национальный герой Албании, руководитель освободительной борьбы против турецких захватчиков. Булгарин настаивал на том, что предки его происходили «из славянского племени булгар, и переселились, вероятно, вследствие внутренних замешательств края, на Русь Белую... предки мои, в древности, назывались „Скандербеками“... „Булгарин“ было только прозвание, для означения прежнего отечества...» (Ф. В. Булгарин, Воспоминания, ч. 1, СПб., 1846, с. 307—308).

<sup>2</sup> Позднее Булгарин более точно писал, что родился «в бывшем Минском воеводстве бывшего Великого княжества Литовского» («Воспоминания», ч. 1, с. 2). К России эта территория отошла лишь в 1792 году, после второго раздела Польши.

<sup>3</sup> В других источниках Булгарин обычно называл в качестве даты своего рождения 1789 год.

<sup>4</sup> Булгарин имеет в виду национально-освободительное восстание 1794 года,

торых последствием были падение Польши, несчастье и разорение его семейства, генерал-аншеф граф Ферзей<sup>5</sup>, квартирующий в то время в Несвиже, познакомясь с его родителями и любя шалуна мальчика, который рубил у него мебели и бил зеркала и чашки, воображая, что разит москалей, взял с собой удальца и, по определении почтеннейшего графа директором Сухопутного кадетского шляхетного корпуса, он определил и малого сарматенка<sup>6</sup> в корпус в 1797 году, отдав на воспитание французскому учителю Массону, державшему пансион при корпусе. В 1805 году Булгарин вышел в Уланский Его Высочества полк корнетом<sup>7</sup>, дрался с французами и шведами и проливал кровь за хлеб и за соль, писал дурные стихи и за то сидел в Кронштадте. Когда Польша стала возрождаться, Булгарин, следуя пословице «как волка ни корми, а он все в лес смотрит», полетел бродить за белыми орлами<sup>8</sup> по свету и искать независимости отечества, дрался за французов в Испании и Германии, а по низвержении

---

руководимое Тадеушем Костюшко (1746—1817), завершившееся поражением восставших, третьим разделом Польши в 1795 году и окончательной ликвидацией польского государства.

<sup>5</sup> Граф И. Е. Ферзен (1747—1799) принимал активное участие в подавлении восстания 1794 года, в 1797—1798 годах – директор Сухопутного кадетского шляхетного корпуса.

<sup>6</sup> Сарматами нередко именовали поляков, так как в древности территория Польши служила (по свидетельству Птолемея) местом расселения этого племени.

<sup>7</sup> По данным аттестата Булгарина, это произошло не в 1805, а в 1806 году (см.: «Литературный вестник», 1901, N 4, с. 419).

<sup>8</sup> Польский герб.

Наполеона возвратился в отечество. Теперь обстоятельства снова завели его в Петербург, где он, следуя глупой страсти, взялся марать бумагу, а чем кончит богу известно, но только это, верно, что не перестанет любить вас, почтенный Петр Иванович<sup>9</sup>. 9 октября 1821. В Спетербурге.

ИРЛИ, 10102, LX624, л. 60.

---

<sup>9</sup> П. И. Кеппен (1793—1864) – статистик, библиограф, географ, этнограф, историк русской культуры; с 1837 года – академик Петербургской Академии наук.

# М. Я. фон Фоку

Милостивый государь Максим Яковлевич!<sup>10</sup>

Вы знаете причины, которые, кроме долга верноподданного, посеяли во мне личную привязанность и благодарность к Государю Императору. Желая всеми моими силами, способностями и опытностью быть ему полезным, я беспрестанно в душе моей забочусь о средствах, могущих утвердить навсегда его священное спокойствие. Чрез вас я уже представлял мысли мои о *книгопечатании, цензуре и общем мнении в России*<sup>11</sup>, удостоившиеся высочайшего воззрения его императорского величества. Теперь вознамерился я представить мысли о предмете не менее важном, а именно: *каким образом можно уничтожить пагубные влияния злонамеренных людей на крестьян,*

В обширной и во многих местах худо населенной России нельзя иметь столь бдительного полицейского надзора над крестьянами, как во Франции и Германии. В тех странах пасторы, мэры, бургомистры и жандармские бригады (расположенные в малых округах) знают нравственность почти каждого поселянина. У нас деревни и села отдалены одно от дру-

---

<sup>10</sup> М. Я. фон Фок (1777—1831) – управляющий III отделением в 1826—1831 годах, близкий знакомый Булгарина.

<sup>11</sup> Публикацию записки Булгарина «О цензуре в России и о книгопечатании вообще» см.: «Русская старина», 1900, N 9.

того, и почти каждое управляется особенно, по воле помещика, управителя или старосты. Земская полиция (находящаяся у нас не в блестящем состоянии) не имеет с крестьянами никаких сношений, как разве по казенным делам, по части исполнительной, и в таком даже случае непосредственно сносятся с помещиками, а где таковых нет, с управителями и старостами. Деревенские священники, едва выходящие из круга крестьян, вовсе не заботятся о нравственности своей паствы и скорее станут произносить жалобы, нежели слова утешения, что отчасти и простительно им, ради бедного их состояния и унижения. И так вся полиция у нас принадлежит помещикам, старостам и управителям.

Это было бы очень хорошо, еслиб все помещики жили в своих поместьях, еслиб все они действовали в духе правительства, еслиб поведением своим и обращением с крестьянами внушали к себе доверенность и уважение. Но всего этого нет и не существует, как разве в такой малой части, что она неприметна, как капля в море. Никто в целой России не заботится внушать многочисленнейшему сословию, крестьянам, понятий о их обязанностях к Государю, обязанностях, от которых зависит общественное благо и спокойствие.

Такую огромную и непросвещенную массу народа трудно всегда удержать одною силою в пределах долга. Надобно действовать на них *нравственно*. Как и кем? – Это тотчас увидим. Посредством помещиков? – Это отчасти невозможно, а отчасти ненадежно.



Большая часть дворян находится в службе; богатые вовсе не живут в деревнях. Те же, которые живут в деревнях, помышляют более о своих выгодах, нежели о благе общем, в отвлеченном смысле, которого часто сами не постигают. При сем неприятным долгом поставляю заметить, что легкомыслие наших дворян во многих случаях удивляет меня. Пользуясь всеми правами и преимуществами в государстве, осыпанные благодеяниями от трона, они при малейшей неприятности по службе, при неудаче в искательстве или при справедливом наказании приятеля или родственника тотчас позабывают о истинном своем благе и, отлучаясь, так сказать, от своей партии, составляют некоторой род *оппозиции*. Главное состоит в том, чтобы критиковать все меры правительства, бранить без пощады все приближенные к трону особы, не щадя даже Высшей власти, и выдумывать на их счет анекдоты, могущие унижить их в общем мнении.

Мало просвещенные ограничиваются этим, а люди несколько пообразованнее (не говорю просвещенные) тотчас делаются *либералами* и, повторяя уроки своих гувернеров или кое-что вычитанное, толкуют вкось и впрямь о правах народных, о законах, представителях и тому подобное. В этом-то смешении недовольного невежества и раздосадованного полупросвещения, в этой нечистой пене, происшедшей от кипения страстей, образовались молодые люди, составившие тайные общества.

Скажу более: служители, понимая в половину болтание

своих господ, составили себе также какое-то вздорное понятие о вещах и, приезжая в деревню с господами, сносясь с крестьянами, живущими в столицах, и переезжая на житье в деревню, переливают свой незрелый образ мыслей в крестьян.

Должно заметить, что прежде французской революции недовольное русское дворянство удалялось в Москву, и там довольствовалось только тем, что пересуживало двор и его обычаи. Лет двадцать тому назад настало другое обыкновение, которое ежедневно усиливается, а именно, как только человек почитает себя обиженным, недовольным и как только вздумает блеснуть умом, тотчас начинает либеральничать. Без сомнения, что большая часть сих людей, пустых и вздорных, более смешны, нежели опасны, но часто слова, пущенные на ветер, падают на плодородную землю и производят горькие плоды. Я говорю о вредном примере для молодых офицеров, дворянчиков, купцов и слуг, которые слова князей, графов и так называемых умников жадно ловят и вытверживают. Известно, что все, льстящее самолюбию и обещающее выгоды, скоро распространяется, и вот от чего у нас кружит в народе такое множество ложных идей и незрелых понятий.

Запретить вовсе говорить и невозможно, и было бы во все *неполитически*, потому что скорее можно пресечь вредные и злоумышленные намерения между *говорящими*, нежели между *безмолвными*. Но надобно поставить стену между

вредными людьми и массою народа, и к этому я вижу одно только средство.

Наш русский народ более других привязан ко всем обрядам веры и церковным постановлениям и, вещь удивительная, менее других народов оказывает уважения и доверенности к духовенству. Привязанность к царям в народе от того сильна, что она соединена у него с религиозными понятиями. Не удивительно ли, что многочисленнейшее сословие народа не связано никакою *нравственною* нитью с престолом? — На них даже не возлагается никакой *нравственной* обязанности! И как политическим узлом нельзя соединить сословие крестьян с тронem, то должно соединить неразрывным союзом Веры. Для этого я предлагаю *присягу*.

Предлог, представленный для удаления крестьян от присяги, кажется мне не сильным и не убедительным. Говорят, что они, присягнув на верность блаженной памяти императору Павлу Петровичу, отказались от повиновения господам, и стали называть себя государственными крестьянами. Но это произошло не от присяги, а от формы оной. При начале нынешнего царствования не было присяги, однакож крестьяне в некоторых губерниях преступили свою обязанность, и это служит доказательством, что причиною смятений бывает не присяга, но вышеизъясненные мною обстоятельства, а именно дурные примеры, дурное обхождение с ними и внушения.

Все сословия в государстве не могут и не должны при-

сягать по одной форме присяги, ибо каждое сословие имеет свои особенные обязанности. Во Франции присягают на каждое новое звание – и справедливо. Для крестьян казенных и помещичьих должны быть составлены в Синоде особые формы присяг, в которых первым и главным пунктом должно быть беспредельное повиновение и верность Государю, установленному от Бога, священному его помазаннику; вторым пунктом должно быть повиновение властям и помещикам, установленным Государем. Тогда никто не дерзнет покушаться смущать народ вредными внушениями, ибо присяга, которая модновоспитанными дворянами почитается одним обрядом, в народе произведет свое истинное действие и привяжет его узлом Веры к священной особе Государя.

Несчастные события 14 декабря показали, как высоко наш народ ценит присягу, ибо солдаты под сим предлогом вовлечены были в заблуждение. Со мной случился следующий анекдот, который удостоверит, как наши крестьяне думают о присяге.

«Чем ты промышляешь зимою?» – спросил я у перевозчика.

«Колем лед и пилим дрова, – отвечал он, – да эту зиму не посчастливилось, чуть было не убили поленьями, во время бунта».

– «Вы же виноваты, – сказал я, – зачем не перевязали зачинщиков-разбойников».

– «А нам, сударь, какая нужда, – отвечал крестьянин, – дело шло о присяге, а мы не присягали ни одному, ни другому, так грешно и живот нести».

– Здесь я кончил разговор, который заставил меня призадуматься. В столице, где было довольно верного войска для усмирения злоумышленников, это равнодушие было безвредно, но в провинциях от равнодушия до преступления один шаг.

Мне кажется, что после коронации или в новый год можно было бы присягнуть целому народу на верность своему законному Государю, пред лицом коего равны и вельможа, и крестьянин. Народ должен быть непременно уверен, что Государь, пользуясь властью, данною ему от Бога, сообщает оную непосредственным их начальникам и помещикам. Со временем это принесет величайшую пользу, и власть самодержавная более укрепится соединенною силою целого народа. Для сей же причины не худо было бы составить катехизис для народных школ, без всяких богословских отвлеченностей, в котором бы обязанности к Богу и Государю объяснены были просто, ясно и удобопонятно. Этот катехизис скоро бы разошелся и произвел благоприятные действия.

Вот что внушило мне усердие и беспредельная привязанность к моему Государю-благодетелю. От Вашего превосходительства зависит решить, полезны ли мои мысли или ошибочны; во всяком случае, цель да заменит недостатки в суждении или изложении.

С истинным высокопочитанием и совершенною преданностью честь имею пробывать

Вашего превосходительства  
Милостивого государя покорнейшею слугою  
Фаддей Булгарин,  
издатель «Северной пчелы».  
Спбург 7 августа 1826.  
ЦГАОР, ф. 109, Секретный архив, оп. 3, ед. хр. 1880.

\* \* \*

Почтеннейший Михаил Яковлевич!<sup>12</sup>

Я знаю, что генералу Б(енкендорфу)<sup>13</sup> нельзя взять на себя роли атлета и бороться за всех и со всеми. И так он делает много добра, и притом *один* из всех русских вельмож нынешних расположен к добру. У него есть сердце! Дай боже ему счастья! – Но как он предан правительству и на своем посту есть *le gardien de l'opinion publique*<sup>14</sup>, то попросите его, чтоб он из любви к правительству защитил литературу.

---

<sup>12</sup> Подлинное имя фон Фока – Магнус Готфрид, обычно его именовали Максимом Яковлевичем (см. предшествующее письмо).

<sup>13</sup> Граф А. Х. Бенкендорф (1783—1844) – с 1826 и до конца жизни – шеф жандармов, главный начальник III отделения собственной его императорского величества канцелярии, доверенное лицо Николая I.

<sup>14</sup> Страж общественного мнения (*франц.*).

Литература есть балованное дитя нации. Нет такого глупого и необразованного народа в мире, который бы не утешался и не гордился своими писателями и произведениями литературы. В этом равны и персиянин и англичанин. Честь и славу литературы каждый член общества приписывает себе. Но это *балованное дитя нации, литература, дитя плаксивое и слабого сложения. Оно весьма пугливо.* Как только станут его побранивать и повертывать неосторожно, оно плачет, хоть тихомолком, а маменька, нация, страдает и гневается.

Оставляя аллегории, указываю на историю. Вспомните Век Екатерины. Кто и что дали ей бессмертие? *Qui la faite populaire en Russie?*<sup>15</sup> Литераторы. – Вспомните о первых годах Александра. Удерживаюсь от комментариев, ибо они не нужны.

Екатерина позволила напечатать Державину стихи:

*Железный скипетр самодержавия,  
Она умела позлатить...*<sup>16</sup>

Общее правило: в монархическом неограниченном правлении должно быть как возможно более вольности в бездельцах. Пусть судят и рядят, смеются и плачут, ссорятся и

---

<sup>15</sup> Кто дал ей известность в России? (франц.).

<sup>16</sup> Булгарин неточно цитирует оду Державина «Изображение Фелицы», в которой Фелица – Екатерина говорит: «*Самодержавства скипетр железный / Моей щедротой позлащу*».

мирятся, не трогая дел важных. Люди тотчас найдут предмет для умственной деятельности и будут спокойны.

Mais comprimer la pensee dans les bagatelles, c'est l'etendre par des choses graves<sup>17</sup>. Вам известно, что было главною причиною 14-го декабря, а юношество и ныне то же. Дать бы летать птичке (мысли) на ниточках и все были бы довольны. Отчего в 4 года правительство сделало такие успехи в общем мнении? Тем, что видели в нем любовь к литературе, к просвещению, к устройству гонений злых, покровительства добрых <?>.

Послушайте, что ныне толкуют! Мне это больно! Я радовался, что все умное начало действовать в пользу правительства. Знаете, как я сам работал для этой цели! Посылаю вам письмо от помещика; посмотрите, какое действие производят писатели в России в пользу правительства!<sup>18</sup> La force physique s'use, mais la force morale est immortelle<sup>19</sup>. Говорю единственно для пользы правительства.

Рассудите. Это не такая безделица, как другие думают. Расскасируете Сенат, слово не скажут, а еще будут приговаривать: по делам вору мука. Сожги книгу, тронь *плаксивое дитя* – вопль и в тех, которые вовсе ничего не читают, но

---

<sup>17</sup> Подавлять мысль по пустякам – значит кончить весьма серьезными вещами (франц.).

<sup>18</sup> В письме (хранящемся в том же архивном деле) помещик Черниговской губернии называет статью Булгарина «Взгляд на Россию 1829 году» («Северная пчела», 1830, N 3) «мастерским произведением пламенного пера».

<sup>19</sup> Физическая сила тленна, но сила духа бессмертна (франц.).



думают, что жмут первое их право: *мысль*. Жаль, что некому изъяснить, что такое *les convenances civiles, et les convenances litteraires*<sup>20</sup>. Это альфа и омега.

Ныне такое уныние в литературе, какого никогда не было. Ужасно слушать толков! Цензоры отказываются от всякого дела, где есть суждения о книге или о чем бы то ни было. Взгляните на 19 номер «Пчелы»!!!<sup>21</sup> Театр дозволен, ибо Волконский<sup>22</sup> подписал. Цензор отказался, сотрудники оставили и не хотят ныне писать от страха.

Что нам делать? Подумайте, благородная душа! Как бы пособить и отвратить дурные советы и изветы. Стоит ли заниматься дрызгами? То ли я мечтал, того ли надеялся!

(Январь 1830 года.)

ЦГАОР, ф. 109, Секретный архив, оп. 1, ед. хр. 1896.

---

<sup>20</sup> Каковы гражданские обычаи, таковы и обычаи литературные (*франц.*)..

<sup>21</sup> То есть газеты «Северная пчела».

<sup>22</sup> Князь П. М. Волконский (1776—1852) – министр двора в 1826—1852 годах, рассматривавший, наряду с официальным цензором, рецензии на спектакли императорских театров.

## А. Х. Бенкендорфу

Милостивый государь Александр Христофорович!

Найдя всегда в особе Вашего Высокопревосходительства благодетельного себе покровителя, прибегаю к вам с всепокорнейшею просьбою.

Вам известно верноподданническое усердие и беспредельная преданность, с коими я стараюсь служить Государю Императору; известно, что я ничем в жизни не подорожу для исполнения его священной воли, сколько то состоит в слабых силах частного человека. При всем том, мне не всегда удавалось достигать цели всех трудов и помышлений моих – Высочайшего благоволения! – И в начале нынешнего года, за спор литературный о романе «Юрий Милославский», был я арестован<sup>23</sup>. Я перенес гнев монарха с покорностью верноподданного, быв уверен, что последующими ревностными трудами успею загладить неумышленную вину мою и доказать Государю на самом деле, что готов спорить со всеми его верноподданными в усердии к его особе и в самом беспредельном повиновении Высочайшей его воле.

---

<sup>23</sup> В конце января 1830 года за рецензию на роман М. Загоскина «Юрий Милославский» Булгарин получил выговор от Бенкендорфа (по повелению царя). Несмотря на запрет продолжать полемику, он поместил в «Северной пчеле» вторую статью против романа: по приказу царя 30 января был арестован и несколько дней провел на гауптвахте.

Ныне прибегаю к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшею просьбою быть моим представителем у священного монаршего престола, в защищении моей чести и доброго имени верноподданного.

В N 145 «Северной пчелы» сего года напечатана статья «Письмо поляка и проч.», рассмотренная и одобренная Вашим Высокопревосходительством.

Ныне, в 149 номере Спетербургских академических Ведомостей, редактор оных, г. Пезаровиус<sup>24</sup>, напечатал на помянутое письмо возражение, в котором старается представить в превратном виде намерение и цель сочинителя сего письма, взводит на издателей «Северной пчелы», а преимущественно на меня, природного поляка, обвинение в старании оправдать варшавских бунтовщиков и тщится изобразить сочинителя сего письма изменником в отношении к России! – Статья г-на Пезаровиуса произвела самое пагубное впечатление и принята как декларация правительства, ибо газета Спетербургская почитается официальнойю. – Умы простого народа воспылали, благонамеренные россияне негодуют, поляки в отчаянии.

Ваше Высокопревосходительство! Все статьи политического содержания, печатаемые в «Северной пчеле», подвергаются предварительно Вашему рассмотрению, следственно

---

<sup>24</sup> П. П. Пезаровиус (1776—1847)-создатель и редактор (1813—1821: 1840—1847) газеты «Русский инвалид»: в 1830 году редактировал газету «Санкт-Петербургские ведомости», издаваемую Академией наук.

в них не может быть ничего противного духу правительства, и они неоднократно, как Вам известно, производили в русской публике самое благоприятное действие. – Но как же они могут достигать сей цели, когда публика увидит, что сии самые статьи подвергаются осмеянию и ругательству в газете, почитаемой официальною? – И как мне можно будет продолжать мое благонамеренное занятие в пользу правительства, когда меня за то будут всенародно оскорблять и клеветать, а я не в состоянии опровергнуть сей клеветы, ибо всякое возражение в «Северной пчеле» воспрещено, да и защита мнений правительства превышает силы частного человека.

В сем стеснительном положении, весьма для меня тягостном, осмеливаюсь просить Ваше Высокопревосходительство об исходатайствовании мне, во-первых, у правосудного монарха удовлетворения в оскорблении моей чести г. Пезаровиусом, удовлетворения гласного и всенародного, каково было оскорбление, ибо на некоторых людей письменные выговоры не имеют действия, и, во-вторых, о подчинении Академических Ведомостей общей цензуре, для прекращения на будущее время подобных нарушений высочайше утвержденных правил о цензуре, и для охранения частных людей от оскорбления. С глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностью

честь имею пробывать  
Милостивый государь

Вашего Высокопревосходительства  
всепокорнейшим слугою

Фаддей Булгарин.

16 декабря 1830

Спбург.

ЦГАОР, ф. 109, 1 экспедиция, 1830, ед. хр. 446, ч. VI, л. 18

—19.

## Л. В. Дубельту

Милостивый государь Леонтий Васильевич!<sup>25</sup>

Позвольте мне обратить внимание Вашего превосходительства на предмет, который многие благонамеренные люди почитают *ничтожным*, а я признаю *чрезвычайно важным*, в государственном отношении. Говорю о книгопечатании.

Все согласны в том, что оно произвело, производит и будет производить величайшее зло в Европе и многие почитают запретительные и полицейские меры достаточными к уничтожению и распространению зла. По моему крайнему убеждению: в этом огромная ошибка, и я знаю по опыту и имею на то доказательства, что это лекарство производит иногда более вреда, чем самый яд, которым якобинцы отравляют народы.

Никакая власть, никакая сила, самая зоркая блюстительность не могут удержать разлива идей и самая жестокая и поносная казнь не может воспрепятствовать ввозу запрещенных книг в государство, имеющее необъятную сухопутную границу, примыкающую к государствам, где введено свободное книгопечатание. Удивительно, но справедливо, что даже из Турции, чрез страны закавказские, ввозились в Россию запрещенные книги. Вредные же идеи распространяют-

---

<sup>25</sup> Л. В. Дубельт (1792—1862) – начальник штаба Отдельного корпуса жандармов; с 1839 по 1856 год – управляющий III отделением.

ся быстро изустно и намеками в печати. Истребить все это – невозможно.

Разлив *зла* происходит от убеждения, что оно *благо*. Говоря военным языком: зло в одном месте овладевает разумом блокадою, в другом приступом, а где нет вовсе защитников добра, там без всякой борьбы утверждает свое господство. Убеждение можно уничтожить только *убеждением*. Об этом весьма многие вовсе не помышляют, и, напротив, у нас пресечены к тому все возможные средства.

Любовь к Государю и престолу можно и должно возбуждать не громкими фразами, но *доказательствами* (которых, благодаря Бога, у нас довольно!), что Россия всем своим благосостоянием и просвещением обязана Государям из благословенного рода Романовых – и приверженность к самодержавию должно распространять и утверждать *доказательствами* – что оно одно может существовать в необъятной России. Если верят, что дурные и вредные идеи производят действие, хотя опыт обнаруживает их лживость, как же не верить, что здравые идеи, подкрепленные доказательствами, не принесут пользы?

Каковы бы ни были ценсурные законы, они никогда не принесут пользы, если для исполнения их не выберут людей разумных, понимающих дело, образованных, пользующихся уважением.

Нынешняя наша цензура дожила до высшей степени *смешного*. Составился целый список *запрещенных слов*: за-

прещается самое полезное и благонамеренное. По всей России кружат анекдоты, изображающие цензуру в *смешном виде* – и невольно все бестолковые ее действия относятся на счет правительства. О вреде от этого почитаю излишним распространяться.

Тогда, как во всех сословиях носятся слухи и происходят толки о том, будто правительство намерено уничтожить или по крайней мере противодействовать просвещению России, я написал статью о деятельности одного университета, более других мне известного<sup>26</sup>, на пользу русского просвещения – доказывая, что за это Россия обязана царям русским. Статья эта – как увидите: *запрещена цензурою*.

Желал бы я знать, что тут неблагонамеренного? Кажется мне, что Высшее правительство должно обратить внимание на это, если полагают, что должно добром противодействовать злу<sup>27</sup>.

За сим с изъявлением высокого моего уважения и душевной преданности, честь имею быть

Вашего превосходительства

Милостивого государя

покорнейшим слугою

---

<sup>26</sup> Речь идет о Дерптском университете, рядом с которым находилось болгаринское имение Карлово.

<sup>27</sup> Запросив по этому поводу цензуру. Дубельт получил ответ, что в августе было повеление царя «*решиительно запретить в журналах и ведомостях все статьи за университеты и против них*» (ЦГАОР. ф. 109. 1 экспедиция. 1830. ед. хр. 446. ч. VI. л. 141).



Фаддей Булгарин.

5 октября 1849

Петербург.

ЦГАОР, ф.109, 1 экспедиция, 1830, ед. хр. 446, ч. VI,  
л. 137.

\* \* \*

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Ваше превосходительство вспомнили 5 ноября, что я пред незабвенным графом Александром Христофоровичем Бенкендорфом называл III-е отделение собственной его Величества канцелярии: l'Hospital des incurables<sup>28</sup>, потому что несчастные, отвергнутые целым миром, находили только в ней одной помощь и утешение, и дела, от которых все сильные земли отнекивались, получали там новый ход и направление. Многое с тех пор переменялось, но я никак не могу расстаться с идеей, что кто близок к Государю, тот обязан говорить ему правду, и потому прибегаю с покорнейшею просьбою к Вашему превосходительству о представлении его сиятельству графу Алексею Федоровичу<sup>29</sup>, по види-

---

<sup>28</sup> Больница для неизлечимо больных (*франц.*).

<sup>29</sup> Граф А. Ф. Орлов (1786—1861) – шеф жандармов и главный начальник III отделения с 1844 года. С ним у Булгарина не сложилось столь доверительных отношений, как с Бенкендорфом. в этот период Булгарин действовал главным образом через Дубельта.

тому маловажного, но в существе своем весьма важного обстоятельства.

Из подлинного письма тайного советника Панаева<sup>30</sup> к Н. И. Гречу<sup>31</sup>. Ваше превосходительство усмотреть изволите, что Государю Императору угодно было запретить печатать все, относящееся к юбилею 25-летнего благополучного и славного его царствования. Весть эта из ценсурного комитета и департамента народного просвещения с быстротою мысли или молнии распространилась по городу и произвела самое горькое впечатление, дотронувшись до (слово нечитаемо) народного самолюбия.

Люди никак не могут постигнуть, почему запрещают верноподданным изливать чувства своей любви и преданности к Государю! Если почитают нас недостойными, по недостатку высоких талантов, возвыситься до величия дел, совершенных в эти 25-ть лет, то лепет благодарности и любви народной выше всякой поэзии!

Признаюсь – я сам не постигаю, почему не позволено нам излить наши чувства!

Чтоб вы не подумали, что авторское самолюбие или надежда на внимание Государя заставляют меня обратиться к Вашему превосходительству – я даже не посылаю Вам ста-

---

<sup>30</sup> В. И. Панаев (1792—1859) – поэт; с 1832 года – директор канцелярии Министерства императорского двора.

<sup>31</sup> Н. И. Греч (1787—1867) – писатель, журналист, близкий друг Булгарина, совместно с ним издававший и редактировавший «Северную пчелу».

ты мною написанной, которая стоила мне двух недель моей жизни – но посылаю статью чужую – чисто историческую и прошу покорнейше умиловать графа об исходатайствовании соизволения на ее напечатание. Пока внутри России узнают о запрещении изливать чувства наши, нас будут упрекать в неблагодарности, и даже в чем худшем, к Тому, которого мудростью, благостью и силою души мы все живем покойно и счастливо!

С высоким и истинным уважением и душевною преданностью честь имею быть

Вашего превосходительства

Милостивого государя

покорнейшим слугою

Фаддей Булгарин.

15 ноября 1850 СПб<sup>32</sup>

ЦГАОР, ф. 109, 1 экспедиция, 1850. ед. хр. 487.

---

<sup>32</sup> На письмо наложена резолюция: «Граф не соизволил входить в это дело».